

РАСИЗМ И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ

Наряду с изучением антропологического материала еще в начале XIX в. в зарубежной Европе и в США широко распространились различные «теории», авторы которых пытались объяснить ход исторического процесса с помощью данных, заимствованных из антропологии. Эти лжетеории, не имея никакой научной ценности, тем не менее, заслуживают рассмотрения, будучи в области идеологии важнейшими орудиями пропаганды враждебной гуманизму идеи неравенства различных народов и наций.

С расистской точки зрения человечество делится на «высшие» и «низшие» расы, причем различия между ними наследственны и не могут изменяться под влиянием внешних условий, вследствие чего никакие социальные преобразования не могут превратить «низшую» расу в «высшую» или даже сгладить их различия. «Низшие» расы, по утверждению расистов, всегда подчинялись «высшим», а в тех случаях, когда по каким-либо случайным обстоятельствам этого не происходило, культура деградировала, и средством для ее возрождения могло служить только приведение «низшей» расы к покорности или полное ее уничтожение.

Антропология была использована для «доказательства» того, что все те явления, которые в действительности неизбежно вытекают из определенной системы производственных отношений на современном историческом этапе (сосредоточение богатства в руках незначительного числа собственников, борьба за колонии, безработица, сверхприбыли ничтожного меньшинства и нищета и разорение миллионов трудящихся и пр.), суть якобы проявления неизменных законов природы и наследственного неравенства людей.

Понятно, что для подбора доказательств подобного положения не могла служить подлинная наука о человеке. Для этой цели была создана особая отрасль тенденциозной реакционной публицистики, имеющая некоторое внешнее сходство с антропологией, но в действительности менее всего заинтересованная в фактах и их научном освещении.

В качестве идеологического орудия империализма расизм явился одним из источников величайших бедствий для всего человечества двадцатого столетия.

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

В эпоху рабства расизм обслуживал интересы рабовладельцев, доказывавших, что уравнивание людей в правах противоречило бы самой природе, в которой царит неравенство. В условиях феодального строя расизм принял форму догмата о «голубой крови» у господствующей верхушки, якобы созданной самой природой для безраздельной власти над судьбой земледельца.

Эпоха капитализма ознаменовалась новым «расцветом» расистских теорий, которые были призваны служить теоретической базой насильственного захвата земель у коренных народов Америки, Африки, Азии, Австралии и Океании. Непосредственная цель расизма всегда заключалась в том, чтобы морально обезоружить жертву угнетения, уничтожить ее веру в свои силы, поселить в ней презрение к самой себе, внушить ей сознание «законности» ее бесправия и тем самым парализовать ее волю к борьбе против своих угнетателей.

Старая колониальная держава, какой уже была в начале XIX в. Великобритания, должна была стать средоточием расистских теорий. Попытка «обоснования» близости негра к обезьяне была сделана Лоуренсом еще в 1819 г., а энергичная защита полигенизма в Англии велась уже в 40-х годах Гамильтоном Смитом и в 50-х – Робертом Ноксом.

«Идея» неравенства человеческих рас с чрезвычайной силой вспыхнула в Америке в период обострения вопроса о работорговле. Когда в 1844 г. Англия, поддерживаемая Францией, обратилась к министру иностранных дел США Калгоуну с предложением освободить негров и прекратить торговлю людьми, Калгоун растерялся и не знал, как сформулировать ответ двум европейским державам. По совету известного в то время антрополога Мортона Калгоун составил ноту, адресованную Англии, в которой отвергал всякое изменение в правовом положении негров, так как негры представляют собой якобы особую породу людей.

В 40-х годах борьба вокруг рабства в США чрезвычайно усилилась. Стремясь упрочить свои экономические и политические позиции, рабовладельцы Юга мобилизовали все средства для борьбы с аболиционистами, используя в качестве идеологического оружия расовую теорию. «Когда встревожились за свое рабовладение плантаторы южных штатов, – писал Н. Г. Чернышевский, – ученые рассуждения в защиту рабства быстро получили такую разработку, какая нужна была для опровержения мыслей партии, сделавшейся опасной для рабовладельцев южных штатов... когда они серьезно встревожились за судьбу своих плантаций и увидели надобность защищаться от аболиционистов, то нашли у них на ораторскую, газетную, ученую борьбу громадные силы, как нашли после на военную».

Большую помощь идеологам невольничества оказала ошибка голландского анатома Кампера, который еще в XVIII в. предложил рассматривать людей и животных в профиль и измерять величину угла, который составляет профильная линия с горизонталью. При таком сопоставлении оказалось, что у статуи Аполлона Бельведерского угол близок к прямому, у европейца на несколько градусов меньше, у негра еще меньше, у орангутанов немного меньше, чем у негра, у других животных угол очень мал. Ошибка Кампера заключалась в том, что среди жи-

вотных, использованных им для сопоставления, были очень юные оранг-утаны; между тем теперь хорошо известно, что разрастание морды кпереди до огромных размеров, а, следовательно, и уменьшение лицевого угла происходит у оранг-утанов в более позднем возрасте. Вследствие этого обстоятельства искусственно и незаконно оказались сближенными величины лицевого угла у негров и высших обезьян.

Подхватив цифры Кампера, американские расисты не удовлетворились, однако, этим мнимым сходством. Последователи Мортон Нотт и Глиддон в своей книге «Типы человечества» изобразили череп негра умышленно запрокинутым назад, чтобы создать впечатление исключительно большого выступления лица. Но и этого им показалось мало. Помещенный для сравнения рядом с черепом негра оранг-утан изображал существо, явно подделанное под человека, с высоким лбом и даже с трубкой в зубах.

Очень большую поддержку сторонникам расовой теории оказал Луи Агассис, развивший теорию о происхождении различных человеческих рас в восьми областях земного шара, соответствующих так называемым «зоогеографическим провинциям». По понятиям того времени это означало, что между человеческими расами полностью отсутствует всякая родственная связь, что они созданы независимо одна от другой и очень глубоко отличаются по своим природным свойствам, как физическим, так и духовным.

Естественно, что сочувствие реакционных кругов Англии было на стороне рабовладельческого Юга. 17 ноября 1863 г. открылось первое заседание Лондонского антропологического общества – первой антропологической организации в Англии. Президент общества Джеймс Гент выступил с докладом на тему «Место негра в природе», в котором были приведены многочисленные «доказательства» неравенства «белых» и негров, причем неграм приписаны самые отрицательные свойства человеческой природы. Президент сочувственно цитировал самые бессмысленные мнения, если только они могли послужить ему материалом против негрской расы. Генту удалось сплотить вокруг себя довольно значительную группу единомышленников среди членов общества и сотрудников его печатного органа. В первом же томе мемуаров этого общества появились очерки истории антропологии, также направленные на обоснование расизма, написанные Бендишем, решительным сторонником полигенизма. Проследивая ход развития идей о происхождении человеческих рас, начиная с эпохи раннего средневековья, он заявляет, что моногенизм всегда был догмой церкви и что критические умы (Юлиан Отступник, Парацельс, Джордано Бруно), наоборот, всегда в этом вопросе отстаивали идею о множестве независимых центров происхождения различных рас человека. Факты такого рода были известны ученым того времени, и общественное мнение действительно связывало моногенизм с церковным учением. Однако ни Гент, ни Бендиш, ни все другие полигенисты из Лондонского антропологического общества вовсе не ставили своей задачей освобождение мысли от оков догматики, и история антропологии не сохранила за ними роли продолжателей дела мучеников науки, как бы близко ни пытались эти апологеты рабства стать около костров Лючилио Ванини и Джордано Бруно.

В самом деле, для мыслителей, которые боролись за право независимого исследования природы XVI–XVII вв., вопрос о расах имел сам по себе второстепенное значение. Важно было сказать «нет» там, где церковь говорила «да». Протест против церковного насилия возникал с одинаковой силой, заходила ли речь о действительно существующих народах или об «антиподах», т. е. о теоретически «сконструированных» (до кругосветного путешествия Магеллана) обитателях Земли, обращенных ногами к жителям Европы. Следует напомнить, что существовал длительный период, когда всякий, кто открыто разделял учение об антиподах, подвергался отлучению от церкви.

Понятно, что, развивая идеи об антиподах «преадамитах» и их потомках – обитателях заморских стран, защитники свободы науки, конечно, не ставили своей целью унижение или преследование темнокожих рас. Так же далек был от подобных стремлений и полигенизм Вольтера. Ничего общего с этими борцами за свободу мысли по сущности своих намерений не имели сторонники рабовладения из Лондонского антропологического общества.

Для реакционных антропологов середины прошлого столетия было безразлично, с кем действовать заодно и на кого опираться в борьбе за право преследования негров. Известно, что некоторые полигенисты использовали авторитет Библии, выражали надежду на поддержку идеи неравенства со стороны главы римской церкви и в числе своих предшественников называли даже имя Магомета, который учил, что бог сделал одних людей из черной глины, а других – из белой.

Таким образом, для английских расистов существенным было оправдание расовой дискриминации и совершенно безразлично, устанавливала ли ее «наука» или догмат.

В Германии начала XIX в. с ее патриархальным жизненным укладом, восходившим к глубокой старине, сохранялось немало пережитков далекого прошлого, которые бытовали даже среди людей образованных. В некоторых представлениях о расах германских ученых того времени легко узнать те, еще довольно безвредные тенденции видеть в далеких расах какие-то непохожие на нас существа, обладающие диковинными чертами сходства с животными¹.

¹ Таково сообщение Юлиуса Кегеля о хвостатых людях на Борнео и Яве (1843), рассказ фон Гана о людях

Воззрения такого рода несли на себе печать ограниченного и наивного провинциализма. Отмечая некоторые черты якобы примитивного строения негра, немецкий анатом Земмеринг писал: «Мавры (т. е. негры) остаются, тем не менее, людьми и весьма сильно возвышаются над этим классом (именно обезьянами) подлинно четвероногих животных. И среди черных имеются такие, которые ближе стоят к своим белым братьям, а некоторые даже превосходят их своим разумом... Чтобы избежать всех ненавистных выводов и злоупотребления, повторяю еще раз, что негры суть точно такие же люди, как и мы, и на основании высочайшим образом вероятных данных из естественной истории, физиологии, философии и письменных свидетельств, произошли от общего прародителя со всеми остальными людьми и точно в такой же мере, как и самые прекрасные гречанки».

Немецкие натуралисты 60-х годов – сторонники эволюционной точки зрения Геккель, Фохт, Бюхнер, Шаффгаузен и другие отвели цветным расам место «низших» форм в цепи живых существ, связывающих человека и обезьяну. Однако и для названных авторов также не играл никакой роли вопрос о том, смогут ли народы экваториального пояса когда-либо подняться на более высокий уровень. Для них важно было обосновать новое материалистическое мировоззрение и опровергнуть церковные взгляды на сотворение человека с помощью «недостающего звена», которое они, как им казалось, нашли в отсталых по культуре народах.

Иную позицию заняли представители академической антропологии и этнологии Германии. Враждебно относясь к эволюционной теории, они в то же время защищали и справедливое положение о том, что так называемые «низшие» расы по своей организации стоят несколько не ближе к обезьяне, чем европейцы.

Расстановка сил, таким образом, оказалась в Германии иной, чем в Англии, где именно создатель эволюционной теории Дарвин был чужд расистским тенденциям, в отличие от руководящей группы антропологов Лондона.

Причина этих различий требует более углубленного анализа. Следует иметь в виду, что в работах немецких эволюционистов, в особенности у Геккеля, очень важное место занимали вопросы генеалогии человека, в чем давало себя знать своеобразное влияние обновленных традиций натурфилософии с ее «планом творения» и «лестницей существ».

В творчестве же Дарвина огромную роль заняло изучение самих закономерностей и причин изменчивости, потому что вопрос об изменчивости организмов и об управлении ею был поставлен в Англии потребностями жизни, практикой сельского хозяйства. Но выше уже отмечалось, что изучение изменчивости естественным образом направляло мысль к признанию временности и относительности расовых различий. Наоборот, конструирование родословных древ и понимание отдельных форм как ступеней развития, идущего вверх, могли толкать недостаточно глубокого исследователя на незаконное отыскивание живых родичей «питекантропа» среди современного человечества.

Настоящий воинствующий расизм, ставящий своей непосредственной и главной задачей агрессию и истребление народов, стал развиваться в Германии позднее. Вместе с ростом колониальных притязаний Германии и одновременно с подъемом в ней влияния прусского милитаризма расизм превращался в основу идеологии господствующих классов.

Одним из главных источников многих позднейших вариантов расизма явилась книга Артура Гобино, опубликованная в 1853–1855 гг. под названием «Трактат о неравенстве человеческих рас», в которой сделана попытка доказать, что высший расовый тип на земле – белокурые «арийцы». По его мнению, упадок великих цивилизаций – результат смешения их арийских создателей «с низшими», покоренными расами, неспособными якобы поддерживать эти чуждые их природе цивилизации. Потомками «высшей» арийской расы во Франции являются, по Гобино, только представители родовой аристократии.

Доказывая, что современная цивилизация не только не ушла вперед по сравнению с древними культурами Египта, Индии, Греции и Рима, но и, наоборот, многое растеряла из оставленного ими великого наследия, Гобино не упоминает о том, как резко были отличны носители этих восхваляемых им культур от северных расовых типов Европы. Правда, он стремится найти северные черты в облике названных народов, но эти попытки могут быть использованы только для опровержения его теории. Так, ссылаясь на буддийские легенды, где «избранные богом» дети характеризуются с первых дней рождения кожей золотистого оттенка, круглой формой головы, длинными руками, расширенным лбом, сросшимися бровями и выступающим носом, Гобино видит в них черты «арийского» типа, под которыми он подразумевал, как сказано выше, белокурые расы Европы. В действительности же ни одна из указанных черт не характеризует северные расовые типы, а большая их часть может быть приписана переднеазиатской расе. Теория Гобино была отвергнута французской антропологией и не была популярна в более широкой среде ².

в Малой Азии с конскими хвостами (1854) и т. д.

² Во время франко-прусской войны Гобино, живя в провинции, играл унижительную роль посредника между своими соотечественниками, которых он презирал, и пруссаками, разорявшими его страну и принадлежавшими, к любимой им «высшей расе».

АНТРОПОСОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЙ ДАРВИНИЗМ И ИХ РЕАКЦИОННАЯ СУЩНОСТЬ

Если в трактате Гобино отражены тенденции феодальной знати, то позднейшие расистские построения ставят своей целью «облагородить» буржуазию. К «низшей расе» причисляется пролетариат; буржуазия же, в особенности крупная, наряду с дворянством наделяется «арийской кровью». Расизм становится системой, пытающейся объяснить основные закономерности общественной жизни, исходя из антропологических фактов. Вырастает так называемая антропосоциология, которая сводит проблему развития общества к конкуренции различных расовых типов.

Эта псевдонаука с полной откровенностью обнажает классовую сущность тех мотивов, которые привели к ее основанию. Важнейшим из всех направлений, близких к антропосоциологии, был социал-дарвинизм. Число авторов конца XIX в., развивавших «концепции» о том, что европейские расы являются высшим продуктом естественного отбора и что руководящие классы – это победители в борьбе за существование, чрезвычайно велико. Среди пропагандистов подобных «идей» следует назвать Ваше де Лапужа, Отто Аммона, Бенджамина Кидда, Вильяма Семнера.

Чтобы составить представление о том, как использовались авторами этих лжетеорий антропологические данные, можно привести взгляды Лапужа, старавшегося доказать, что брахикефалы – прирожденные рабы, управляют которыми долихокефалы. Он сформулировал даже 11 «законов», которые «обязывают» читателя верить, что в странах со смешанным населением богатство возрастает в отношении, обратно пропорциональном головному указателю, что важнейшие города расположены почти исключительно в долихокефальных областях, что эмигрируют наименее брахикефальные элементы, что долихокефалы особенно склонны к бракам вне своей страны и т. п. Вся нелепость этих «законов» совершенно очевидна, и факты, конечно, полностью их опровергают. Достаточно напомнить, что, например, головному указателю у представителей «старого американского ствола», т. е. потомков эмигрантов из Великобритании, оказался, по обширным данным А. Грдлички, в точности равным головному указателю англичан, шотландцев и ирландцев. Преобладающие по частоте величины головного указателя населения Франции и Германии выше 80 и во многих местах достигают 84 и 85; если следовать Лапужу, то, по-видимому, эти страны в целом не должны быть причислены к тем областям Европы, где расположены ее важнейшие города.

Построения социал-дарвинистов исказили учение Дарвина о расах. Чарлзу Дарвину были совершенно чужды какие-либо тенденции оправдывать расовые преследования. И в «Дневнике изысканий», и в «Путевом дневнике» с полной очевидностью выступает непримиримое отношение к рабству, возмущение жестокостью колонистов и чувство глубокой симпатии к неграм. Дарвину принадлежат важнейшие доказательства огромного сходства между расами в выражении эмоций, в характере умственных способностей, сходства, которое убедило Дарвина в справедливости теории происхождения рас от общего предка. Таким образом, социал-дарвинисты в расовой проблеме развивали концепции, глубоко враждебные и идеям, и чувствам самого Дарвина.

Социал-дарвинисты обычно считали, что история человечества идет, в общем, по правильному пути, якобы предначертанному природой. Пропагандисты развившегося позднее евгенического расизма «угрожают» гибелью европейской культуре, если правящие классы не примут мер против быстрого размножения «неполноценных!» элементов, к которым эти служители реакции причисляют беднейшее население европейских стран и колониальные народы.

Основателем современного евгенического движения был Гальтон, выступивший в 1904 г. в Лондонском социологическом обществе с докладом «Евгеника, ее определение, задачи и цели».

Защитники наиболее реакционных вариантов евгенической теории вскоре выступили с проектами принудительной стерилизации «наследственно неполноценных». В ряде стран эти проекты получили юридическое оформление и частично практически осуществлялись.

К числу расистов евгенического направления относится Мэдисон Грант, реакционная книга которого «Конец великой расы» выдержала целый ряд изданий с 1916 по 1930 г. В этой книге Грант резко выступает против социализма, заявляя, что демократизация общества ведет к гибели «великой» северной расы.

Одним из родоначальников, как социал-дарвинизма, так и евгенического расизма следует считать реакционного английского экономиста Мальтуса (1766–1834), автора «Трактата о законе народонаселения» (1798), в котором развивается взгляд о необходимости уничтожения государственной помощи бедным и о том, что голод и нищета масс зависят якобы не от социального строя, а от чрезмерно быстрого размножения бедняков. Эта «теория», оправдывающая гибель миллионов людей угнетенных классов и народов, получила заслуженную оценку у классиков марксизма, охарактеризовавших ее как проявление глубочайшей низости мысли. Связь Мальтуса с социал-дарвинизмом наиболее отчетлива там, где он заявляет, что бедность и порок сами как бы автоматически препятствуют чрезмерному размножению народонаселе-

ния (элиминация «неприспособленных»). Связь Мальтуса с евгеникой проявляется в рекомендуемых им предупредительных мерах, которые должны ограничить размножение немущих слоев народа.

РАСИЗМ – ОРУДИЕ РЕАКЦИИ

После победы Великой Октябрьской социалистической революции силы реакции стали спланиваться в борьбе против молодого Советского государства. После провала вооруженной интервенции в ряде зарубежных стран с особой энергией стали разрабатываться евгенические и расистские концепции, которые объявляли своей целью «улучшение человеческого рода», но по существу служили обоснованию классового и колониального гнета.

Чудовищные размеры приняла расистская фальсификация науки на службе германского фашизма. Приход гитлеровцев к власти ознаменовался превращением расизма в основу государственной идеологии Германии, в одно из главнейших средств одурманивания германского народа и попыток превращения его в вооруженную банду человеконенавистников и убийц. Эта же «теория» была одной из причин, которые привели германский фашизм к гибели. «Немецкие фашисты, – писал И. В. Сталин, – избрали своим идеологическим оружием человеконенавистническую расовую теорию в расчёте на то, что проповедь звериного национализма создаст морально-политические предпосылки господства немецких захватчиков над поработченными народами. Однако политика расовой ненависти, проводимая гитлеровцами, стала на деле источником внутренней слабости и внешнеполитической изоляции немецко-фашистского государства. Идеология и политика расовой ненависти являются одним из факторов развала гитлеровского разбойничьего блока. Нельзя считать случайностью тот факт, что против немецких империалистов поднялись не только поработченные народы Франции, Югославии, Польши, Чехословакии, Греции, Бельгии, Дании, Норвегии, Голландии, но и бывшие вассалы Гитлера – итальянцы, румыны, финны, болгары. Гитлеровская клика своей людоедской политикой возманивала против Германии все народы мира, атак называемая «избранная немецкая раса» стала предметом всеобщей ненависти»³.

Германский расизм использовал реакционное наследие всех предшествующих эпох в области науки о человеке. Некоторые расисты, как Ленц, пошли по пути ложной интерпретации генетики, социальной медицинской статистики и криминалистики, применив данные экспериментальной биологии и количественные расчеты для «обоснования» ничтожной роли социальных условий и всемогущества наследственности.

Другие, как, например, Клаус, отбросив всякое подобие доказательств своих положений, провозгласили единственным методом понимания расовой психологии непосредственное проникновение, «вживание» в «расовую душу», которая открывается при созерцании внешнего облика расы.

Германские расисты все чаще прибегали к «северной душе», предпочитая ее «северной расе» в антропологическом понимании этого термина, так как с «северной душой» можно было оперировать по своему усмотрению и наделять ею по мере надобности различные народы, классы или отдельных лиц. В конце концов, фашистские главари и их публицисты стали причислять к «высшей» северной расе просто всех тех, кто одобрял или осуществлял разбойничью политику гитлеризма. Предметом особенно жгучей ненависти германских расистов были избранные евреи и славяне.

Расистская идеология фашизма была одной из причин уничтожения величайших культурных ценностей и привела к гибели миллионы людей в Европе.

После разгрома германского фашизма реакционные круги разных стран стали прибегать к иному, более скрытым формам расизма. Появились книги, в которых, например, мнимые доказательства физической неполноценности «цветных» рас приводятся в тоне сожаления и с притворными изъявлениями симпатии к этим расам; меры, ограничивающие в правах негра, индейцев и других, лицемерно характеризуются как средства защиты этих угнетенных групп от непосильной для них конкуренции с «белыми». Наряду с этим получили распространение мальтузианские сочинения, причем в некоторых из них открыто предлагается уничтожить огромную массу трудового населения и проповедуются полезность войн, эпидемий, голода, стерилизации для спасения человечества от избытка населения. Какова научная ценность этих построений, видно из бесчисленной массы фактов, доказывающих, что все те бедствия человечества, о которых пишут неомальтузианцы, порождены не прогрессией размножения «неполноценных», а условиями определенной социально-экономической системы.

Эти реакционные теории, глубоко враждебные подлинной науке, встречают отпор со стороны передовых ученых всех стран мира.

³ И. В. Сталин. О великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5, Госполитиздат, 1953, стр. 161–162.

ПОЛНАЯ НАУЧНАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ РАСИСТСКИХ ТЕОРИЙ

Необоснованность расистских «теорий» можно показать на примере одного из самых распространенных положений расизма, а именно на утверждении, что североевропейская раса – это наиболее духовно одаренная раса человечества, которой мир якобы обязан созданием всех индоевропейских языков, а также культур тех народов, которые говорят на этих языках.

Прежде всего, следует обратить внимание на полное несоответствие этой, «теории» с картиной распространения индоевропейских народов. Исчисляющееся многими десятками миллионов темноволосое и темноглазое население Южной Европы, исключая небольшой народ – басков, говорит только на индоевропейских языках; к этой же семье языков относится язык иранцев и северных индусов, в подавляющей массе весьма темноволосых и темноглазых.

С другой стороны, северная раса распространена не только в областях расселения индоевропейских народов; население Финляндии, Эстонской ССР, а также некоторых других финноязычных групп в СССР (карелы, мордва, эрзя, удорские коми) принадлежит к северной высоко-рослой, светлопигментированной, мезокефальной расе. С точки зрения расистов индоевропейские языки не случайно связаны с северной расой, но являются порождением ее творческого духа, который, следуя своей внутренней потребности, создал себе адекватные формы речи. Как же объяснить в таком случае, что северная или близкая к ней раса у финского населения Прибалтики не проявила этого творческого духа и почему этот «дух» проявился в сравнительно менее светлопигментированных славянских народах?

Согласно расистской концепции, арийские языки народов Кавказа, Средней Азии, Ирана и Индии были принесены туда волнами завоевателей, принадлежавших к северной расе. Конечно, некоторое количество людей, с более или менее светлыми глазами и волосами можно обнаружить в массе темнопигментированного населения названных стран. Так, сравнительно менее темноглазые некоторые индоевропейские народности горных районов Северной Индии и Афганистана. Однако нисколько не менее светлопигментированы в этих районах неарийские народы, как, например, буришки. Светлые глаза и волосы совершенно отсутствуют у арийцев сикхов Пенджаба (Эйкштедт), белуджей, хорасанцев (Ошанин), что несовместимо с гипотезой о вторжении североевропейской расы, так как физические следы ее примеси не могли бы исчезнуть в такой степени.

Возражение со стороны расистов, что белокурые и голубоглазые элементы исчезали якобы под влиянием отбора в чуждых для них климатических условиях и вследствие каких-то особых воинственных наклонностей северной расы, ничего не объясняет не только вследствие его методологической несостоятельности, но и вследствие прямого несоответствия фактам. В самом деле, некоторые неарийские по языку группы имеют несколько более депигментированные глаза, чем арийские группы соседних областей, как мы это видели на примере буришков и сикхов.

Число этих примеров может быть увеличено. Так, киргизы Таласа имеют в 2% случаев светлые глаза, а древние иранские племена – рушанцы, бартангцы, ишкашимцы, горанцы – ни одного процента (Ошанин). Узбеки Ангрена имеют 59% темных глаз, а арийцы таджики – 65% темных (Ярхо). Семиты самаряне имеют около 18% светлых глаз, т. е. значительно более светлоглазые, чем иранцы (Зельтцер). Аналогичные факты имеют место на Кавказе. У грузинских евреев процент светлых глаз оказался равным 7,5 (Дебец), в то время как у арийцев курдов светлых глаз не обнаружилось вовсе (Ярхо).

Чтобы обнаружить северную расу там, где от нее ныне не осталось следов, в зарубежной литературе очень часто пытались использовать палеонтологический материал. Где только в Передней, Средней или даже в Восточной Азии ни находили долихокефальные черепа с более или менее наклонным лбом и развитыми надбровными дугами, сейчас – же объявляли об их принадлежности к выходцам из Северной Европы, принесшим с собой в Азию арийское влияние. Однако целый ряд специальных исследований показал, что черепа такого типа свойственны и некоторым вариантам средиземноморской расы и вовсе необязательно были связаны с белокуростью или светлыми глазами их обладателей. Более того, было доказано, что предки европеоидной расы, все или в подавляющей массе, характеризовались названным комплексом особенностей и что, следовательно, местное европеоидное население Азии ныне брахикранное (в некоторых областях Кавказа, в Средней Азии и др.), непосредственно происходит от долихокранного населения этих же областей. Построения миграционистов, которые выводят описанный древний европеоидный тип из Прибалтики, совершенно несостоятельны (Дебец).

Германские расисты очень охотно обращались для обоснования высшей роли северной расы в истории средиземноморских стран к легендам южноевропейских народов о «золотом» цвете волос их богов или о золотых волосах в этих легендах как признаках красоты. Однако и эта интерпретация не выдерживает никакой критики.

Сказки о детях с золотыми волосами широко распространены у разных народов Европы и Азии, и легко показать, что они не имеют никакого отношения к идеализации северных завоевателей. Во-первых, примеры такого рода известны в сказках народов, где подавляющая масса всего населения принадлежит к более или менее светлым вариантам и где исключение составляет именно противоположный тип. С другой стороны, аналогичный мотив встречается у народов, где невозможно предполагать никакой, даже самой ничтожной, североевропейской

примеси, как, например, у якутов.

Весьма вероятно, что в легендах и сказках такого рода сохранились воспоминания о тех временах, когда золото впервые поразило воображение народов, о периоде военных демократий, когда снаряжались походы в чужие страны и рождались такие произведения, как поэма о золотом руне.

Можно, кроме того, привести сколько угодно примеров, когда признаком красоты в сказках и легендах выступают как раз обратные свойства, т. е. черные волосы. Так, в азербайджанской сказке «Фатма и Киявы» баба-яга, делая девушку красавицей, провела черной водой по волосам, и они стали чернее камня Гишера; в индусских легендах о Кришне именно черные локоны упоминаются как атрибут женской красоты. «Темноликий» – один из обычных эпитетов самого Кришны. Никакой идеализации голубоглазого типа не было у китайцев, которые некогда встречались с ним на северо-западе от границ Китая. Китайский историк Ши-Гу даже сравнивал голубоглазых потомков усуньцев с обезьянами. В этом отношении интересно сообщение Тафеля, в течение многих лет путешествовавшего по Китаю. Этот автор писал (1908), что среди китайского населения он встречал в виде редчайших исключений индивидов с голубыми глазами. Этих голубоглазых китайцев остальное население всегда считало безобразными и внушающими ужас, и им никогда не удавалось вступить в брак.

Положение об исключительной одаренности северной расы расисты «основывают» в значительной степени на современном развитии техники и цивилизации у тех европейских народов, антропологический тип которых относится к северной расе.

Однако и это положение не выдерживает критики.

В самом деле, если при анализе современного распределения культур расизм игнорирует всю совокупность внешних условий, включая климат, изрезанность береговой линии, обилие внутренних путей сообщения, степень изоляции и т. п. и их исторически меняющуюся роль, то он должен, сохраняя последовательность, игнорировать все эти условия и по отношению к прошлому. Но что же получится, если и в прошлом приписать культурную отсталость некоторых народов их расовой врожденной неспособности? Чем, как не биологической, наследственной неспособностью к культуре северной расы должны были бы расисты объяснять тот факт, что северные народы Прибалтики пребывали в состоянии «дикости» и «варварства» в то самое время, когда народы других рас уже создали величайшие цивилизации?

Творчество человеческого гения уже горело ярким пламенем в Месопотамии, в Египте, в долине Инда (Мохенджо-Даро), на Крите, в Китае, в то время как север Европы еще был объят глубоким мраком. Более поздние цивилизации – Карфагена, Греции, Ирана, Бактрии, Согдианы, Хорезма, Рима, Аксума (в Абиссинии) – также возникли задолго до расцвета культуры у северных европейцев. Для развития античной культуры исключительное значение имела древнеегипетская культура. Здесь уместно напомнить, что цвет кожи древних египтян был очень смуглым, близким к коричневому и общий их тип весьма близок к эфиопской восточно-африканской расе, что доказано анализом их фресок, а также свидетельствами античных авторов.

В ответ на эти возражения расисты указывали, что все-таки современные западноевропейские культуры находятся на более высоком уровне, чем те, которые только что были названы. Однако современные и древние цивилизации невозможно сравнивать между собой по высоте, как рядом построенные здания, так как опыт древних цивилизаций лег в основу тех, которые явились им на смену.

Географические особенности африканского материка – огромная площадь, занятая пустынями и чащами тропического леса, порожистость многих рек, малая изрезанность береговой линии, изолированное положение ее южных и центральных областей весьма мало способствовали развитию цивилизации в большей части африканского континента. Игнорирование этого факта содействовало возникновению легенды о мнимой неспособности негровой расы к культурному творчеству. Однако и этнографические, и археологические исследования обнаружили высокое развитие культуры у многих негритянских народов Африки до европейского вторжения и до проникновения ислама.

Совершенно неверно представление, что негрская Африка была всегда «страной хижин». Большие и многочисленные древние города имеются в области иорубов, далее – между Тимбукту и Ниамини, где они особенно часты, и, наконец, у гауссов. Город Ибадан в прошлом веке имел свыше 150 тыс. жителей. Эти местные негрские города замечательны, в частности, своими улицами, засаженными правильными рядами пальм, уходящими вдаль в виде бесконечных колоннад. Негры поддерживали торговый тракт, который тянулся на 1000 км через дебри и леса в бассейне р. Конго. Широкой известностью у искусствоведов пользуются художественные изделия из бронзы негритянского государства Бенин. По среднему течению р. Нигер были открыты в большом количестве огромные погребальные холмы до 25 м в высоту, воздвигнутые неграми многие сотни лет назад и содержащие внутренние ходы и помещения для жертвенных обрядов. В Юго-Восточной Африке еще в конце XIX в. были открыты крупные каменные сооружения крепостного типа, из которых наиболее известны – Зимбабве. Аналогичные сооружения были обнаружены во многих местах далеко к западу от Родезии. Ныне уже не сомневаются в том, что эти замечательные постройки XIII–XV вв. были воздвигнуты не фини-

киянами и не мореплавателями царя Соломона, как некогда предполагали, а самими неграми банту. Произведения пластического искусства негров, а также художественно украшенная утварь пользуются заслуженной славой. Негрские кузнецы весьма, искусны в выделке самых разнообразных, в том числе тонких железных изделий – браслетов, ножных обручей, цепочек, бус и т. д. Существует мнение, что вообще техникой обработки железа Европа была обязана неграм Африки.

Наиболее отсталым по культуре народам мира, так же как европейцам, китайцам и африканским неграм, доступны все внутренние возможности психического развития. Этот вывод вытекает из опыта общения Дарвина с огнеземельцами, Головнина – с различными океанйцами, Миклухо-Маклая – с папуасами.

«Жители Огненной Земли, – писал Дарвин, – считаются одними из низких варваров; между тем я должен был постоянно удивляться на трех из дикарей, которые находились на корабле «Бигль», прожили несколько лет в Англии и говорили немного по-английски, до какой степени они походили на нас по характеру и большинству наших умственных способностей».

Выдающийся русский мореплаватель первой половины XIX в. В. М. Головнин писал: «Обширный ум и необыкновенные дарования достаются в удел всем смертным, где бы они ни родились, и если бы возможно было несколько сот детей из разных частей земного шара собрать вместе и воспитывать по нашим правилам, то может быть, из числа их с курчавыми волосами и черными лицами более вышло бы великих людей, нежели из родившихся от европейцев. Между островитянами, без сомнения, есть люди, одаренные проницательным умом и необыкновенной твердостью духа».

Той же мыслью была проникнута вся деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая, исследователя и защитника темнокожих рас, нашедшего в папуасах Новой Гвинеи своих учеников и верных друзей. Его исследования нанесли сильнейший удар по «теориям» об умственной неполноценности темнокожего населения Океании.

Человечество, включая все его расы, принадлежит к одной единой стадии развития человеческого рода. Выделившись из среды своих неандертальских предков, новый вид человека вступил в мир, уже обладая комплексом свойств, необходимым для речевой и мыслительной деятельности. Это наследие было получено от общего предка всеми ныне живущими расами. Опираясь на это последнее, любая раса независимо от различий в «темпераменте» обладает способностью к бесконечному продолжению своего культурного роста. Любое нормальное сознание имеет своим источником все, что было накоплено человеческой историей, весь опыт целого человечества и при использовании этого опыта для новых открытий действует посредством мощных коллективных орудий, какими являются язык и разум.